

Ирина
Александрова

ЧЕШУЧА

Ирина Александрова

Чешуя

«ИП Москвич И.К.»

2021

Александрова И. К.

Чешуя / И. К. Александрова — «ИП Москвич И.К.», 2021

ISBN 978-5-6041306-9-8

Мама и папа вместе с детьми уходят в Океан. Чтобы там жить и стать счастливыми. Другая среда, совершенно иные существа и не похожий ни на что ритм жизни затягивает всех членов этой семьи и их друзей в сложный омут новых отношений. Дружные когда-то семейные команды превращаются в странную часть нового общества. Зависть, радость, злоба или жалость – все эти чувства, когда-то понятные, неожиданно становятся чем-то совсем иным. И эти новые ощущения толкают героев в водоворот самых странных взаимоотношений. Детям некогда любить родителей и друг друга, а родители вдруг превращаются в совершенно чужих людей. Переселение в океан счастья становится переселением в океан ненависти и равнодушия, которое захлёстывает людей, и кое-кто решается опять переломить траекторию жизни.

ISBN 978-5-6041306-9-8

© Александрова И. К., 2021

© ИП Москвич И.К., 2021

Содержание

Предисловие. Чемоданчик	5
Чешуя	6
Наши	9
Первые шаги	12
День Независимости	15
Приходите через год – два	17
Анемоны, пожалуйста	19
Я сам	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Александрова

Чешуя

Предисловие. Чемоданчик

Чемоданом я стал ощущать себя давно, чуть ли не с самого рождения. Смутно, но помню, как в раннем детстве в меня, который еще толком ничего не понимал, начали вкладывать всякие полезные вещи. Первым было сложенное аккуратным свертком умение плавать раньше, чем ходить. Рядом с ним уместилась игра в шахматы, а затем пикирование на скрипке. Сверху все это придавили пакетом иностранного языка. Это было вообще самым главным. Так я и рос умным чемоданчиком, а родительские наставления сглатывал очень послушно.

Но вдруг однажды меня взяли за ручку и понесли в аэропорт. У нас было немного вещей, и при сдаче багажа я испугался, что меня с остальными сумками отправят в грузовое отделение. Я крепче прижался к маминой руке и, заглядывая ей в глаза, стал что-то громко рассказывать, старательно вставляя разные иностранные слова. Они с папой не должны забыть, что я все-таки их сын, а не обычный чемодан, каких сотни вокруг. Все обошлось, у меня было даже отдельное место в самолете, у окна, и меня накормили квадратным полу-пластмассовым бутербродом с синтетическим пенящимся напитком темного цвета.

Мы перелетели океан. На таможне родители выставили меня вперед. Они, заискивающе улыбаясь, сообщили человеку за барьером, что он может задавать мне все вопросы на своем языке. Что ж, я бойко повторил фразы, что вдалбливали в меня дома, и металлическую палку для нас откинули. Папа и мама очень мной гордились, а я был рад, что меня отделили от остальных чемоданов.

Мы сняли квартиру, и дни потянулись почти такие же, как дома. Только здесь не было шахмат и скрипки. Не было друзей. Здесь и дворов-то не было, чтобы с кем-то познакомиться.

Осенью я пошел в школу и совсем не удивился, встретив там среди обычных детей нас, чемоданчиков. Мы были разных цветов и разной формы, но нас всех привезли сюда родители, не спросив, взяв за ручки, для нашего якобы светлого будущего.

Чешуя

Все вышенаписанное – это скорее всего мое детское воображение. Сейчас я уже не считаю себя чемоданом, потому что взрослых чемоданов не бывает, и я, оказывается, вырос.

А началась наша история много раньше, именно тогда, когда на Землю пришла бесконечная гроза. Где-то постоянно гроыхало и сверкало. Люди бегали, кричали, кто-то даже погибал, но сделать никто ничего не мог. Или не хотел, не знаю. Все просто кинулись искать лучшую жизнь, а она, понятное дело, находилась по другую сторону границы.

Уезжали кто куда, но большинство людей пытались переселиться в Океан. Ходили слухи, что в Океане все живут богато, что там спокойно и можно ничего не делать, но иметь все, что вздумается. Туристы, которые спускались на самое дно в глубоководных аппаратах, видели, как там весело. Никто из нас толком не знал, откуда океаняне берут жизненную силу и чем занимаются. Счастливики, которым все же удалось уйти жить в воду, редко возвращались. А которые все-таки вернулись – прятались или им никто не верил.

Вот и мои родители решили поменять среду. Однажды нам со старшей сестрой и младшим братом просто объявили, что мы будем жить в Океане. Мы пойдем туда, где никогда не бывает ни грозы, ни войн, где много пищи и хорошее образование. Быть образованным для нас было очень важно.

– В воде мы не пропадем, – рассуждали родители, – нам надо будет только выучить их язык, а потом мы найдем свое место.

Я вот стану президентом! – с замиранием размышлял я. Представляете, президент Океана! Моя сестра Ай будет астронавтом, а Мелкий, так мы зовем младшего брата, выучится на ученого, он у нас самый умный. По крайней мере так думают мама с папой.

Собирались мы недолго. Квартиру решили пока не продавать, мало ли что. Может и вернемся. Взяли только нашу собаку Данди, кое-какие вещи и двинулись к границе. Пересечь ее было непросто. Океан всегда встречал наших людей неприветливо и не хотел пускать к себе. В тот день был небольшой шторм. Мутная вода билась о берег, и было очень страшно шагнуть в нее. Данди разлаялся, как сумасшедший, и тянул поводок назад. Ай и Мелкий тоже пятились.

Мама изобразила на лице улыбку и стала вглядываться в муть, выискивая, кому бы ее адресовать. А папа вздохнул, набрал в себя побольше нашего воздуха и первый погрузился в воду. Мы все держались за руки, так что невольно последовали за ним. Меня охватил холод, я закашлялся, приспосабливаясь к новому способу дыхания, и ничего не мог разглядеть. Дно было каменистое и больно кололо ноги. Волны толкали назад, а какие-то чудища в униформе зашипели и тут же начали ощупывать нас. Родители держались вежливо и с достоинством. Они морщились, но не отталкивали щупальца, зная, что это необходимая процедура, которая позволит нам войти в лучшую жизнь. Видно было, что им тоже очень страшно. Ай успокаивала Мелкого, он плакал и вырывал руку, чтобы убежать обратно домой.

– Здесь не страшно, никто нас не укусит, – громко шептала она, прижимая брата и с ужасом глядя на злые морды то ли людей, то ли животных, которые бесцеремонно крутили нас, заглядывали в рот, лезли в карманы и во все сумки.

В конце концов, когда мы окончательно замерзли и перестали соображать, а кожа наша покрылась стойкими пупырышками, нас повели вглубь. Два огромных осьминога деловито плыли впереди, лениво шевеля щупальцами и иногда оглядываясь, чтобы удостовериться, идем ли мы следом. Было сумрачно, плохая прозрачность и движение воды скрывали окружающее и мешали идти. Никаких растений не было, только камни, которые становились мельче и с отшлифованными краями.

– Наверное, много ног прошло по этой дороге, – тихонько заметил папа.

Время от времени к нам подползали другие монстры и опять ощупывали. Видимо, каждому хотелось удостовериться, правильно ли было пускать нас в Океан. Шли мы очень долго, каменное плато сменилось илистой долиной, сплошь покрытой густыми зарослями водорослей. Нас вели по широкому коридору, строго прорезанному в океанском лесу. С обеих сторон покачивались желто-зеленые плети растений, совсем как ветви деревьев под порывами ветра. Но уйти в их тень совсем не хотелось, там будто таилось что-то. То ли тревожное, то ли противное.

Наконец и лес закончился, мы вышли на огромную плоскую площадку с какими-то строениями. Незаметно, но ощутимо, всем нам стало легче дышать. Не задерживаясь, нас подвели к обрыву, завели в кабинку лифта, и она поехала вниз. Казалось, что мы спускаемся в бездну, так бесконечно и беззвучно шло погружение. Сумерки быстро сменились кромешной темнотой. Только фонари, прикрепленные на головах наших проводников, освещали тесную кабину. Мы не шевелились, вдруг трос, по которому скользит наша клетка, оборвется, и мы так и не попадем в лучший мир. Неожиданно Мелкий закричал:

– Смотрите, внизу огоньки!

И правда, сверху и вокруг было темно, а дно, к которому мы приближались – переливалось и светилось. Как будто все вокруг стало привычнее, как в том мире, который мы покинули.

– Пап, что там?

Я дернул папу за руку, но он только крепче сжал всех нас и зашептал:

– Все будет хорошо, не мы первые эмигрируем.

Ай одной рукой обнимала Мелкого, а другой держалась за маму. Мама держала Данди на руках, уговаривая его не лаять и не раздражать нашу недружелюбную многорукую охрану. В конце концов, мы опустились на дно и зашагали по мягкому светящемуся илу. Это было так странно и необычно, что поначалу мы даже боялись на него наступить, но проводники привычно выскользнули из кабины, подняв клубы илинок, и нетерпеливо смотрели, как мы пробуем ногами нечто удивительное. От ила исходил настоящий холодный свет, освещая все вокруг, как будто земля и небо поменялись местами, или скорее, получалось, что это мы шли по небу, а сверху чернела земля. У меня даже голова закружилась. Людей мы пока не встретили. Мимо проплывали безучастные несуразные рыбы, на ходу что-то склевывая в иле, из-за камней выглядывали ежи и еще кто-то, похожий на Данди.

– Смотрите! – Мелкий хлопнул меня ладошкой, указывая на огромных странных животных, похожих на коров.

Казалось, что они паслись на этом светящимся глубоководном лугу, меланхолично жуя свою жвачку и не обращая на нас никакого внимания.

Но вот мы увидели первое поселение и нас оставили одних. Папа схватил всех в охапку и начал кружиться от радости. Нас приняли в Океан! Мы с гордостью огляделись. Сквозь равномерный сумрачный свет на нас смотрел город Океана. Дома здешних жителей были сделаны из камней, аккуратные, невысокие, округлой или продолговатой формы. В них были проемы для окон и дверей, только самих дверей не было, вместо них болтались плетеные из водорослей толстые занавески, да разного вида ракушки украшали вход.

– Вот как люди здесь доверяют друг другу, можно зайти в любой дом, – с восхищением сказала мама.

Позднее мы, правда, узнали, что океанские дома сплошь покрыты сетью с мелкими иглами, дотрагиваясь до которых незнакомец рисковал получить приличную дозу яда. Но сейчас, счастливые, то щурясь, то выпучивая глаза, чтобы лучше видеть, мы шли по городу, стараясь не задевать красивые раскачивающиеся растения около домов и прогоняя любопытных разноцветных рыбок, окруживших нас. Улицы здесь шли как-то не прямо, а по окружностям, ближе к центру круга дома становились выше, круглее и плотнее друг к другу, однако, не касаясь один другого. Тротуары были илистые, а дороги вымощены мелким камнем.

Никого не было. Вдруг в домах стал загораться свет. Он был ярче света от ила и какой-то резкий. Тут-то мы и увидели людей. Они были похожи на нас, но в то же время другие. Кожа у людей воды была покрыта чешуйками. Чешуйки мелкие и крупные, разных оттенков и формы. Я посмотрел на себя, и мне стало неловко. Моя кожа в пупырышках, как у ободранного гуся бледно-зеленого цвета, явно проигрывала. Папа заметил мой взгляд и сказал бодро:

– Ничего! У нас тоже вырастут чешуйки.

Наши

Так мы шли по дну Океана, озираясь по сторонам и думая каждый о своем.

– Найду ли я здесь друзей? – размышлял я.

– Какие тут перспективы? – озадачивался папа.

– Сможем ли мы вернуться домой? – вздыхала мама.

– Достойное ли здесь образование? – волновало мою сестру Ай.

Только Мелкий, мой младший брат, и Данди шли, уцепившись за взрослых и не волнуясь о будущем.

Постепенно страх мой улетучился, и я с интересом стал оглядываться.

– Пап, – я потянул отца за руку, – почему люди могут жить и в воде, и на суше?

Он улыбнулся:

– Раньше, давным-давно вся планета была покрыта водой, и там жили все существа.

Но потом земная кора поднялась, и кое-где образовались горы и долины. Самые любопытные выскочили наверх.

– И мы выскочили? – у меня аж дух захватило от такого известия.

– Конечно! Наши предки. И им понравилось солнце, трава и деревья, вот они и остались на земле.

– Ну а дальше? – вмешалась Ай.

– Дальше эволюция потихоньку шла и в океане, и на суше, но, несмотря на миллионы лет, в генах людей и животных сохранилась способность возвращения в водную среду. Надо только разбудить эти гены, – папа поправил рюкзак за спиной и с гордостью добавил, – и мы научились это делать.

Я рассмеялся:

– И как это я разбудил в себе какого-то гена?

– Помнишь, у самой границы тебя просвечивали, брали отпечатки пальцев и языка.

Облучение, которое ты получил, и запустило необходимую программу, перестраивающую организм и давая возможность здесь дышать, разговаривать и просто жить, не задумываясь о будущем.

– А обратно? – перебила папу Ай, – обратно мы сможем перестроиться, чтобы домой вернуться, если что?

Ее волнение передалось и мне:

– Вдруг мне тут не понравится! Как я попаду наверх? – испуганно заорал и я.

– Понравится, это теперь наш дом. Здесь нам всем будет лучше. И хватит об этом.

Он замолчал, а я заметил, как мама вздохнула и с недоверием огляделась.

Вдруг в одном из домов мы услышали знакомую речь. Это было так здорово, что мы кинулись туда, расталкивая мелких рыбешек и наступая на морские звезды и что-то скользкое, ползающее по дну. Это были наши, семья сверху, которая перебралась в Океан два дня назад.

Быстрым шагом мы подошли к удивившему нас дому и осторожно заглянули в дверной проем.

– Можно? – спросила мама, а Данди радостно завилял хвостом, как будто мы встретили старых друзей.

– Заходите, здравствуйте, – невысокая женщина с нежной кожей и круглолицый мужчина с такой же светлой и гладкой кожей, улыбаясь, поспешили к нам навстречу. Мы все радостно обнялись. Тут же из глубины дома выскочил мальчишка лет пяти и уставился на нас, как будто мы свалились с другой планеты.

Их папу звали Лик. Он был ученый-физик и сделал много разных открытий на Земле. В Океане Лик собирался преподавать в университете и заниматься наукой. Ила, жена Лика,

была историком, но смыслом жизни у нее был их обожаемый сыночек Елик – поздний ребенок и избалованный вундеркинд. Ради него Лик и Ила бросили свой дом и работу наверху, чтобы начать все заново здесь. Они пригласили нас пожить у них первое время, пока не устроимся.

Эту ночь мы почти не спали. После ужина Ила погасила свет, и оставалось только странное уличное освещение. Было холодно, кожу непривычно щекотала вода, дышать вроде было легко, но, когда мелкая рыбешка или песок попадали в нос, мы начинали кашлять и чихать. Видимо, не все еще в нас перестроилось, чтобы жить здесь. Лик рассказал все, что успел узнать о жизни в воде. Оказывается, люди здесь не плавают как рыбы, они ходят по дну Океана, называя его землей. Едят они много, но в основном только для удовольствия. Немного позднее я узнал, что они и друг друга поедают ради острых ощущений.

– А осьминоги, кальмары и другие монстры, живущие среди чешуйчатых людей в Океане это просто мутанты, смесь людей и всяких морских существ, – сказал Лик, – лучше всего, между прочим, генетические опыты получаются между человеком и головоногим, – объяснил он, – у них, у головоногих, мозг хорошо развит, в отличие от рыб.

– Постойте, – шепотом спросила моя мама, напрягшись, – смесь каких людей?

– Не знаю, – Лик рассмеялся, – ну уж, наверное, не нас с вами. На службе здесь много таких, не удивляйтесь, когда встретите.

Мы дружно пожали плечами, дескать, конечно, что тут особенного.

Еще Лик заметил, что эмигрантов в Океане любят.

– Ну, во-первых, – профессор возвысил голос, как на лекции, – это рабочая сила, выполняющая всю грязную работу, и, во-вторых, среди детей новеньких встречаются светлые головы, – он ласково потрепал Елика за волосы, – их выскивают сначала в школах, а затем уже отбирают у родителей, и бай-бай – в специальные сети для одаренных.

– Навсегда, кстати, забирают, – он внимательно посмотрел сначала на своего сына, а потом на нас троих, и произнес, – но это же лучше для детей! Так наверняка вырастут достойные чешуйчато-перепончатые граждане Океана. Без домашнего сюсюканья.

Я как-то не придавал значения его словам. Слишком много сегодня было впечатлений. Да и вообще я плохо соображал и скоро перестал их слушать. Папа и Лик начали обсуждать вопросы постройки домов, мама и Ила заговорили о детях. В основном, рассказывала Ила о своем Елике, в свои 5 лет он хорошо читает, и рисует, и играет в трехмерные шахматы.

– Подумаешь, – не выдержал я, – вон Ай читает с 4-х лет, а по шахматам я был лучшим среди юниоров города. Тут мне стало совсем неинтересно, и я закрыл глаза, лежа в большой ракушке. Данди прижался ко мне и тоже затих.

Почему люди переселяются? – думал я, – вот я совсем не хотел уезжать, зато Ай отчего-то с удовольствием собрала свои манатки.

– Там будет классно! – уверенно говорила она мне, – помнишь, туристы, которые опускались на дно, рассказывали, что в Океане все улыбаются, везде музыка, полно людей, и если хочешь – учишься, а не хочешь – никто не заставит.

Я вспомнил, как заблестели тогда ее глаза от предвкушения новых впечатлений, а руки она по привычке уперла в бока, с вызовом глядя на мою растерянную и недоверчивую физиономию.

– Можно даже не работать – деньги все равно платят. Просто так! Балдей хоть до сумасшествия, никому дела нет. Там все по-другому и в сто раз лучше, чем дома!

– Оглянись, вон все едут! – этот последний довод меня убедил, и я тогда нехотя согласился.

В ракушке лежать было неудобно, хоть она и была огромного размера и застелена мягкой постелью, сделанной, наверное, из водорослей или кожи какого-нибудь морского животного. Я ворочался, а мысли волнами перекатывались в моей голове, догоняя одна другую.

Какая-то суматоха переселения началась на Земле, подумал я и зажмурился, чтобы уснуть, а перед глазами невольно возникло яркое-яркое солнце и сверкающая степь до горизонта, по которой мы долго шли, прежде чем подойти к границе Океана.

Первые шаги

Наутро, отдохнувшие и полные энтузиазма, мы пошли искать себе дом. В городе Океана было по-своему красиво. Волшебно светящийся ил, белые дома, причудливые рыбы, окрашенные во все цвета, и нежно-зеленые гибкие водоросли у домов создавали впечатление покоя, безопасности и правильности. Люди нам улыбались. Никакие морские чудовища не попадались на пути, наверное, их держали в клетках или как-то отпугивали от мест жизни людей. Изредка, чуть выше дороги, проносились быстрые змееподобные машины, которые здесь назывались кеты, и сквозь прозрачный живот которых были видны пассажиры.

– У них водометный двигатель! Смотрите! – с восторгом воскликнул папа.

– Как это? – не понял я, да и мама с Ай недоверчиво обернулись.

– Они двигаются как головоногие, засасывая специальной трубкой воду в одном месте и силой выталкивая ее сзади. Видите? – папа размахивал руками и смешно приседал для убедительности.

Так мы шли и только успевали удивленно озираться. Вдруг вдали показалось что-то, летящее высоко над головами.

– Наверное акула или скорее скат, – я замер, вглядываясь. Еще и еще, они плыли друг за другом, плавно помахивая гибкими крыльями.

– Улеты, – услышали мы голос проходившего мимо подтянутого старичка. Мне стало завидно, наверху были обычные машины и самолеты, а тут такие изящные и похожие на птиц, или скорее на рыб, корабли. Мы зачарованно провожали их взглядами и продолжали шагать. Тут Мелкий расшалился и стал пинать морского ежа, пытаясь забить гол в дверь какого-нибудь дома. Данди бегал за ним и громко лаял. Сразу же появился полицейский осьминог. Он замер перед нами и огромными немигающими глазами уставился на ребенка. Его передние, как будто накаченные щупальца, то скручивались в пружины, то медленно распускались.

Папа тут же схватил Мелкого за руку и прижал к себе. А мама как-то жалко улыбнулась и пробормотала:

– Хорошо, хорошо, все понятно.

Осьминог отвел взгляд и медленно проплыл мимо, чуть не задев меня одним из отростков. Мы переглянулись. Порядок! И молча пошли дальше.

Город был большой, проходя улицу за улицей, мы искали район, где селятся наши люди, пришедшие сверху. Наконец, уставшие, с Мелким на руках у мамы и с Данди на руках у меня, мы остановились около недорогого продолговатого дома с пятью комнатами разной замысловатой формы, по комнате для каждого из нас и рабочим кабинетом родителям.

– Это будет наш дом, – догадался я и восхищенно свистнул.

Назавтра вместе с Еликом мы начали искать школу. Записаться можно было в любую, и наши родители выбрали ту, что просто ближе к дому.

– Все школы одинаковые, демократичные, – напутствовал нас Лик, – цивилизация как-никак.

И вот мы пришли в класс. Или это музей? А может просто свалка? Я огляделся: вместо стульев – большие булжники в беспорядке, не сдвинешь. Я что – памятник что ли, на них сидеть. Или стоять? Ракушки в шкафах, как в продуктовом магазине. Сами шкафы какие-то обдерганные. Столов нет. А ракушки, у них это аудиорекордеры, там, как в учебниках, лекции записаны. Надо к уху приложить чтобы слушать.

– Здесь все раскидано, как в нашем садике после игры в войнушку, – хихикнул Мелкий и начал выковыривать внутренности из ракушки.

– Ты что! Их не едят и не разбирают по частям! – я испугался и хлопнул брата по рукам.

На стене висел флаг ихней страны. Палка с кругом из проволоки и материей затянута, а на ней морская звезда нарисована, яркая и с выпирающими иглами по всему телу. Почти как хлопущка для насекомых у нас, только огромная.

– Смотри, опять флаг, такой же, как на всех домах торчит! – засмеялась Ай.

– Ну, да. Звезда вон какая, э-э-э, вызывающая. Но мама говорила, что эта звезда на самом деле хищник, – заметил я рассеянно, оглядывая будущих одноклассников. Здесь собрались ученики со всего света разных возрастов и разного цвета. Были даже чешуйчатые, они, наверное, родились в другом океане или просто еще не учили свой язык. Как попугаи: разговаривать умели, а читать и писать – нет. Вот их и взяли в наш эмигрантский класс.

Вообще-то, как я скоро узнал, в школах здесь скорее не демократия, а приятный бардак: делай, что хочешь. Слушай учителя, по-ихнему – профессора, или песенку насвистывай, или прессованные медузы, жвачку такую, жуй. Да и с занятий можно свалить в любое время. Выбор всегда за учеником.

В классе мы расселись, кто где захотел. Точнее, как получилось. Несколько бледных с полупрозрачной кожей мальчишек даже на пол уселись.

– Камбала! – ткнул на них пальцем и хихикнул один толстокожий. На его щеках, словно пот, блестела чешуя.

– Нее, это моллюски-чистильщики, – важно поправил другой чешуйчатый, – они же все чистильщиками будут, песок просеивать для нас.

Все местные захохотали. Я ничего не понял, но посмеялся со всеми.

Из учеников образовалось несколько групп. Мелкий и Елик терлись рядом со мной, а Ай нашла девчонок, которые уже немного тараторили по-местному. Около меня сидел парень моего возраста с гладкой кожей темно-желтого цвета. Первый вопрос «Ты откуда?» он сказал на своем языке, по-моему, так говорят где-то на юге, но я его понял.

– Меня зовут Ян, – ответил я, – Мы недавно приехали. Здесь так прикольно! – я огляделся и хмыкнул, глазами показав на мальчишку с перепонками на пальцах.

– Мое имя Дани, – указал на себя мой собеседник и улыбнулся.

Мы пожали друг другу руки. Я с интересом и надеждой посмотрел на Дани, невольно сравнивая его с моими друзьями далекого дома. Но тут вошел профессор и прервал наш странный разговор. Это был большой, весь в чешуйках, похожий на сома, человек. Многие засмеялись, но он не смутился, а наоборот, заправил свои усы за спину, оглядел нас и представился.

– Профессор Ссс, – поняли мы. Затем он жестом пригласил всех встать и приложил правую руку к своей груди, кивком головы призывая нас сделать то же самое, после чего уставился на флаг и запел. Мелкий от неожиданности шмыгнул мне за спину, мы с Даней переглянулись и пожали плечами, зато чешуйчатые запели вместе с профессором. Оказывается, это был их гимн, гимн Океана. Слова мы тоже вскоре выучили, не особо понимая, что поем. С этого дня каждое утро в школе начиналось вот с такого обязательного пения.

После гимна учитель начал спрашивать наши имена и что-то рассказывать. Я ничего не понимал и даже не слушал, а просто повернул голову, чтобы выглянуть в окно, как делал дома. Но окно оказалось просто куском стены другого цвета. Это не дом, здесь все по-другому, надо привыкать. Наш урок длился часа три с двумя перерывами для отдыха. Как только профессор выходил, местные рыбоподобные начинали есть каких-то моллюсков и растения. Временами они закрывали глаза от удовольствия, раскидывали руки и ноги в стороны и, казалось, даже дремали.

– Какие они крутые, – шепнула мне Ай, – у нас в школе никто не позволил бы себе так зависать. После уроков, не попрощавшись, каждый пошел в свою сторону.

Так начались наши ежедневные занятия. Оценки нам не ставили, и скоро класс разделился на тех, кто учится и тех, кто приходит тусить. Взрослые тоже стали ходить на курсы

языка и адаптации, а параллельно начали искать работу. Без чешуек мы были как голые и даже стыдились.

Гладкая кожа вызывала у местных сочувственное раздражение или вежливое равнодушие. Отец Елика был оптимист, хотя казалось, что он страдает больше всех нас. На его беду, у него была не только нежная кожа, но и лысина на голове. Немного позже, когда он наконец понял, что это из-за плешивости на него смотрят или с брезгливостью, или с презрением, он начал постоянно носить шляпу. Сейчас же он накопил уйму средств, помогающих коже огрубеть, и втирал их 4 раза в день, заставляя делать это и жену, и сына. Лик был уверен, что Океан их примет.

День Независимости

– Вставайте, идем День Независимости отмечать! – мама Эля тормошила спящего папу, на ходу взъерошивая волосы Ай, Мелкому и мне, и выбирала, что надеть.

Не дождавшись от нас ответа, она махнула рукой, натянула белые брюки и голубую кофточку и расшелушила свои проклюнувшиеся чешуйки.

– Ну и спите! – мама вышла на улицу, держа в руках красно-белый флажок с сияющей морской звездой посередине.

Настроение было праздничное, красные кустики багрянки вперемешку с морскими лилиями апельсинового цвета ярко оттенялись зелеными водорослями. Повсюду мельтешили стайки мелких рыбешек. Эля огляделась, надеясь увидеть украшенные улицы и толпы людей с какими-нибудь шарами или флагами, и чуть не упала, споткнувшись о громоздкий диван, перегородивший полдороги. За диваном стоял круглый стол, потом шкафы и другая мебель.

– Переезд! – радостно поприветствовал ее сосед.

Это слово она знала и дружелюбно кивнула, протиснувшись между стульями и выйдя на площадку между домами. Повсюду суетились люди, запаковывая или распаковывая вещи. Вдоль дороги стояли кеты для перевозки мебели. Все еще держа свой флажок, изумленная Эля осторожно обходила детские одно- и двухворчатые коляски на маленьких колесиках, рулоны напольных покрытий из кожи морских животных и радостно возбужденных океанян, таскающих свои пожитки. Кто-то вез на тележке картины, кто-то вдвоем нес кровать, останавливаясь, чтобы пропустить пролетающие мимо кеты, и присаживаясь на кровать отдохнуть.

– Вот это да! Что-то случилось? – с тревогой спросила она парня, окруженного большими коробками.

– Лё, – парень презрительно посмотрел на нее, но потом все же ответил:

– День независимости – день переезда. Мы все свободные, надоело в одном доме – забери другой. Видишь? – для убедительности он легонько пнул коробку, доверху наполненную какими-то кристаллами, – может где-то там будет круче, – парень махнул рукой куда-то в сторону и засмеялся. Но заметив, что эмигрантка ни черта не поняла, пожал бугристыми плечами и отвернулся.

Эля прошла несколько шагов и остановилась, наблюдая как маленький мальчик несет свои игрушки и складывает их около больших плетеных корзин. Неподалеку от них, но явно отдельно, она заметила одиноко стоящий шкаф, его видимо забыли. Подойдя ближе, мама Эля услышала слово «отдаю». Оно доносилось из маленького кубика внутри шкафа и раз за разом повторялось.

– Вот здорово! – Эля чуть присела и хлопнула себя по коленям.

Мебели у них в доме никакой не было, только матрасы, набитые морской травой, лежали на полу. Она схватила кубик, сдерживаясь, чтобы не закричать «мое» и попыталась шкаф поднять. Ничего не вышло. Тогда она подбежала к телефонной кабинке, быстро нажала нужные кнопки:

– Слушай, тут халява, иди скорей, – и осталась караулить свое первое приобретение.

Папа скомандовал:

– Вперед!

И мы высыпали на улицу. Оттащив шкаф, вся наша семья, включая Мелкого, с азартом начала прочесывать район, высматривая бесхозные вещи. Как охотники.

– Ай, смотри какая шляпка модная, как раз для тебя, – мама вытащила из кучи вещей у дороги пару одежек и с интересом стала разглядывать.

– Я не буду ношеное носить! – Ай скривилась, но мама со словами «почистим» засунула шляпку в сумку.

А потом ловко подцепила и куртку для Мелкого. Иногда нам встречались конкуренты, тоже похожие на людей сверху, и приходилось вежливо маневрировать.

– Мы же интеллигентные люди, – объяснил папа.

Никто на нас не обращал внимания, ни чешуйчатые, ни проплывающие мимо рыбы. Вскоре мы откатили к себе кресло и диван на колесиках. Правда, он был с дырками, из которых что-то торчало, и не особо чистый, но мама сказала, что, накрыв его покрывалом, она сделает его приличным. Мы с Ай подобрали кухонный стол с тремя стульями, и несколько полок.

– Отмою, почищу и все будет как новое, – повторяла Эля.

Целый день мы трудились, как бешенные, и загромождали все наши комнаты. Вечером родители с усталой радостью сказали: «Ух» и с удовольствием обвели взглядами расставленный по углам улов. Потом мама воткнула флажок с яркой морской звездой в вазу, достала кружки и налила искристую пенящуюся жидкость.

– За нас! И за Океан конечно! Мне, однако, здесь очень нравится, – она обняла мужа, мечтательно потягивая напиток.

Приходите через год – два

Лик был первым из нашей компании, кто попытался стать полноценным океанским жителем. Он как-то сразу нахватался местных выражений и уже через 3 месяца после приезда отправился в самый крупный университет на кафедру физики.

Университет был идеально круглый и огромных размеров. Крыша его терялась в водных высотах. Оконные проемы, сделанные в виде геометрических фигур, запросто пропускали проплывающих рыб. Сколько здесь этажей было непонятно, так как лестницы из темно-голубого, хорошо обточенного, камня обрывались на любом уровне. С них открывался доступ в студенческие аудитории или лекционные залы. Лик зашел внутрь, и его никто не остановил.

– Никакой охраны! – с восхищением подумал ученый и неторопливо пошел вдоль коридора.

Первым делом он начал искать библиотеку или что-то подобное, чтобы узнать, как же сохраняются знания в этом мире. Чтобы разгадать загадку, Лик осматривал содержимое помещений, которые были связаны лестницами и мостиками. Закрытых дверей не было, и везде казалось одинаково светло. Свет исходил из кораллов. Кое-где в классных комнатах на полу сидели студенты и слушали лектора, у каждого в руках был небольшой, размером с ладонь, предмет, похожий на причудливую с множеством завитков ракушку. На Лика никто не обращал внимания.

Он зашел в большой зал, где рядами до потолка лежали кристаллы. Они мерцали и переливались разными цветами. У стены сидел человек или не человек, а подобие морского конька с горбатой спиной и вытянутым лицом, но размером с человека, и держал в руках прямоугольный камень. Он смотрел на камень, как будто читал что-то и иногда подносил этот предмет к уху, смеясь и качая головой.

– Здравствуйте, – обратился к нему Лик, – я ученый, профессор физики.

Но человекоподобный сначала улыбнулся, затем, разглядев того, кто потревожил его, нахмурился, махнул рукой и отвернулся. Лик пошел дальше и наконец приблизился к ярко освещенному круглому залу, от которого наподобие колесных спиц во все стороны расходились коридоры с пузырьками аудиторий на концах. По всей окружности зала стояли высокие цилиндрической формы стеллажи с одинаковыми пронумерованными папками, сделанными из непонятого материала. Три человека в строгих облегающих костюмах черного цвета стояли за прозрачной перегородкой и деловито беседовали. Их чешуйки отливали холодным безукоризненным серебром.

– Извините, – обратился Лик, старательно выговаривая слова и краснея, – я ученый. Нет ли у вас вакантного места для профессора физики?

Все трое замолчали на полуслове и обернулись. По их лицам прошла легкая волна, стирая спокойное выражение и рисуя напряженное нетерпение. Рты их, однако, раздвинулись в подобие улыбок.

– Вы что-то хотели? – выдавил из себя один мужчина.

– Да, я ищу работу. Профессора, или помощника профессора, или кого-то еще. Можно?

Чешуйчатые продолжали улыбаться и наклоняли головы, вслушиваясь и стараясь понять, чего же добивается этот гладкокожий с неприкрытой лысой головой. Затем тот же человек, который ответил, вероятно он был самый главный, облегченно вздохнул и пообещал пригласить, когда будет необходимость – через год или через два-три года. После чего все про Лика забыли и отвернулись. Воодушевленный вежливой встречей, он сразу же направился в ряд институтов помельче, но везде получил лучезарный отказ.

«Ничего, пробьемся», – сказал себе Лик.

Придя домой, он опять начал ожесточенно натирать кожу огрубевшими мазями.

– Это из-за кожи, – бормотал он, – что же она никак не меняется!

– Пап, привет! – Елик радостный залетел в комнату, – меня перевели в обычный класс, где все местные, мы идем сегодня в парк.

– Какой парк? – не понял Лик, – это где заросли водорослей что ли?

– Ну да, там будем лежать и пробовать всякие травы съедобные.

Елик радостно подпрыгивал, и его отец заметил поблескивание кожи у ребенка – это начали расти чешуйки. Он позвал Илу, и она расплакалась от счастья.

– А твоя подруга Лу?

– Я с ней больше не дружу, она не может отличить полезные медузы от ядовитых, и у меня сейчас новые друзья, – Елик дернул плечом, повернулся и исчез.

Анемоны, пожалуйста

– Мадам, купите варенье из анемонов!

– Эй, парень, медуза только для тебя и твоей девушки!

Ай стояла в толпе со своей тележкой, тщательно считала деньги, иногда забывая давать сдачу, и с улыбкой раздавала всем тающие во рту сладости. Сегодня был последний день музыкальных встреч и Силь-вен, хозяин маленькой компании по производству десертов, привез Ай с байком – это такой велосипед с тележкой, полной разных напитков, засушенных пряных водорослей и желе из медуз в створках ракушек, на каменистую гору в центре океанского города.

Музыканты выбивали яростную дробь, ракушечные створки дружно расхватывали, а карманы симпатичной девчонки наполнялись мелочью.

У Силь-вена работали человек 15 таких же, как Ай, старших школьников, которые в каникулы катались на байках по всему городу и нелегально продавали сладости.

– Осьминог – полицай! – то и дело раздавалось на улице.

– Коп – каракатица! – и продавцы удирали, поднимая тучи илинок.

Первая в жизни работа у Ай получалась совсем неплохо. Она ловко избегала полицейских и умела уговорить любого купить себе что-нибудь. Ай окрепла, к тому же у нее первой из нас начали расти чешуйки на руках и ногах, ровненькие, мелкие и какие-то перламутровые. Наконец, она даже перестала просить у родителей деньги на те же самые медузы, жвачки или на поход в парк развлечений.

Ближе к вечеру довольная собой девчонка не заметила, что к ней приблизились два молодых огромных полицейских кальмара. Она впервые увидела их так близко и присела от страха. У каждого из них была большая голова с невероятно выпуклыми глазами, восемь рук и щупальца около рта. Кальмары вынырнули из-за музыкальной колонны и молча замерли, наблюдая и слегка шевеля щупальцами. Бежать было поздно, и Ай, повернувшись к стражам, протянула им две самые большие ракушки:

– Покупайте, вкусно.

Кальмары молча переглянулись и осторожно взяли угощение присосками передней руки, протянув в ответ монеты, зажатые двумя другими руками, смешно шевеля сразу всеми конечностями. Затем быстро-быстро исчезли. Ай хмыкнула, как ни в чем не бывало, и продолжила продавать сладости.

Сегодняшний вечер пролетел быстро, праздник закончился, карманы у Ай наполнились мелочью, и народ как-то моментально испарился. Исчезли искрящиеся ребятишки и степенные, покрытые начищенной чешуей, старики. Даже парни и девчонки частных школ с перепонками на пальцах и остро торчащими иглами на голове куда-то провалились. Девочка осталась одна на смотровой площадке и терпеливо ждала босса, который обещал забрать ее отсюда.

Силь-вен все не показывался, на часах было около часа ночи и она, сердито повторяя:

«Бросил ребенка ночью! А вдруг тут акула или абориген какой-нибудь с ножом!» – отправилась искать телефонную кабинку, чтобы позвонить ему. На горе не было никаких жилых зданий, только на другой, пологой стороне, расположилось огромное кладбище.

«Там же должен быть телефон, мало ли что», – подумала Ай, оставила байку около скальной стенки и пешком пошла по дороге к кладбищу. Светящихся илинок под ногами почти не было, острые камни мешали быстро идти, а черные выступы скал нависали над дорогой. Темнота окутала все вокруг, шевелящиеся водоросли казались живыми, и из зарослей выглядели мурены. Ай сжала кулаки и засунула их глубоко в карманы куртки.

«Здесь никто не нападает, это у нас, наверху, бандиты всякие ходят, а тут их нет», – твердила она себе, стараясь идти как можно тише.

Наконец Ай дошла до кладбища и пошла вдоль невысокого забора, выискивая телефонную будку, ну и калитку тоже, чтобы зайти внутрь, если не найдет телефон по эту сторону. Калитка была не заперта, девочка смело вошла, тараща глаза в темноту. Затем прошлась по главной аллее и поискала на других дорожках: телефона – автомата не было.

«Видно и впрямь, – подумала она, вглядываясь в бесконечные памятники до горизонта, подсвеченные снизу илом, – здешние обитатели телефоном не пользуются, а общаются с другим миром через сны».

Стараясь не бежать, чтобы не нагнать на себя еще больше страха, Ай боком вышла, и уже не оглядываясь, поспешила обратно.

Вернувшись к байку, она пнула со злости свою тележку, затем села за руль и покатила под горку. Тележка тащила вниз, водоросли задевали лицо, извилистая тропинка норвила все на свете перевернуть. Ай не отпускала тормоз и с трудом удерживалась на поворотах. В конце концов, ни разу к счастью не упав, она доехала до подножья горы и уже свободно закрутила педали по знакомому бульвару до самой базы.

Там, несмотря на глубокую ночь, все еще было шумно и весело. Ребята подсчитывали выручку и украдкой доедали слипшееся желе. Силь-вен кивнул как ни в чем не бывало, и громко объявил:

– У кого лучше всех продажи – получает приз!

Мальчишки и девчонки радостно загалдели. Ай подошла ближе.

– Получай, – босс протянул ей полную горсть монет.

Она с превосходством обвела взглядом враз притихших ребят и повернулась к выходу.

«Ну, подумаешь, кладбище, ну, не встретил. Но я же не ребенок!» – пожала плечами девочка и пошла домой.

Я сам

А я подружился с Дани. Оказывается, он тоже играл в шахматы, и мы вместе стали ходить в океанский шахматный клуб.

– Завтра турнир! – как-то сказал он мне после уроков, – надо заплатить за участие и, если мы выиграем, то получим приз.

Я кинулся домой.

– Мам, мне срочно нужны деньги!

– Заработай, – только и сказала мама, и заглянула мне в глаза, на минуту оторвавшись от кристалла океанской речи.

Мне было 11 лет, но это никого не смущало и ничего не меняло. Я сам должен был найти выход.

Медленно шагая между домов, я пинал камни и ежей, раздумывая, что же делать, пока не наткнулся на большого краба, обрезающего водоросли вдоль дороги. Водоросли горой ложились на тротуар, мешая идти. Раньше я, наверное, перепрыгнул бы или вообще раскидал их в стороны, но сейчас почему-то, сам не замечая, что делаю, начал их сгребать в кучи.

«Где бы найти работу!» – стучалось у меня в голове с каждым броском.

Краб кивнул мне и поднял одну клешню как будто с одобрением. Я опешил, но тут же утроил старания.

«Всегда приятно, когда тебя хвалят. И совсем неважно, кто», – загордился я и схватил огромную охапку зеленых скользких листьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.